А Д В О К А Т С К А Я П А Л А Т А
города Москвы
С О В Е Т

РЕШЕНИЕ

город Москва

№ 230

26 сентября 2024 года

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе ..., с участием адвоката П., рассмотрев в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе М. от 19 февраля 2024 года (вх. № ...) в отношении адвоката П. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы),

установил:

Квалификационная комиссия Адвокатской палаты города Москвы 17 июля 2024 года вынесла заключение:

1) о неисполнении, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7, п. 1, 2, 4 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с п. 2.1, 3.2 Порядка изготовления, хранения и выдачи ордеров адвокатам, утвержденного решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации 04 декабря 2017 года (протокол № 8), адвокатом П. своих профессиональных обязанностей перед доверителем М., выразившемся в том, что адвокат П., предъявив 17 июля 2023 года ордер № ... от 17 июля 2023 года на осуществление «защиты прав и законных интересов» М., в котором в качестве основания его выдачи было указано фактически отсутствующее «соглашение № ... от 17.07.2023», вступил в уголовное дело № ..., находящееся в производстве СО ОМВД России по ... району города Москвы, в качестве защитника М. в отсутствие установленных законом оснований (соглашения на защиту М., заключенного с соблюдением требований ч. 1 ст. 50 УПК РФ);

2) о ненадлежащем, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7, п. 1 ст. 8, ч. 1 ст. 12 (Участвуя в судопроизводстве, адвокат должен следить за соблюдением закона в отношении доверителя и в случае нарушений прав последнего ходатайствовать об их устранении) Кодекса профессиональной этики адвоката исполнении адвокатом П. своих профессиональных

обязанностей перед доверителем М., что выразилось в неуказании в замечаниях к протоколу задержания М. от 17 июля 2023 года сведений о времени его фактического задержания; в незаявлении ходатайств и жалоб в связи с истечением 48-часового срока задержания М. и неуказании об этом 19 июля 2023 года в судебном заседании ... районного суда города Москвы при рассмотрении ходатайства органа следствия об избрании в отношении М. меры пресечения в виде заключения под стражу;

3) о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката П. по жалобе М. от 19 февраля 2024 года (вх. № ...), вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

По имеющимся сведениям, заявитель М. содержится под стражей в ... УФСИН России по городу Москве.

Представитель заявителя М. – адвокат Ме., надлежащим образом уведомленный о дне, времени и месте рассмотрения дисциплинарного производства, в заседание Совета не явился, заявил ходатайство о рассмотрении дисциплинарного производства в его отсутствие (вх. № ...).

Совет рассмотрел дисциплинарное производство в отсутствие представителя заявителя М. – адвоката Ме., поскольку он своевременно получил заключение Квалификационной комиссии, ознакомился с ним, возражений не заявлял и просил рассмотреть дело в его отсутствие, а положения п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката предусматривают, что неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения.

Адвокат П. в заседании Совета сообщил, что получил заключение Квалификационной комиссии, ознакомился с ним, с выводами согласен, обратил внимание членов Совета на то, что все действия совершал исключительно в интересах своего доверителя М.

Рассмотрев и обсудив материалы дисциплинарного производства, выслушав явившегося участника, Совет соглашается с выводами Квалификационной комиссии, поскольку они основаны на правильно и полно установленных фактических обстоятельствах.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что 07 июля 2023 года СО ОМВД России по ... району города Москвы возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного п. «б» ч. 4 ст. 162 УК РФ, в отношении неустановленных лиц. 17 июля 2023 года в 09.30 час. в ходе оперативно-розыскных мероприятий был задержан М. и доставлен в указанный выше следственный отдел «для дальнейшего разбирательства».

В этот же день не позднее 11.10 час. адвокат П. прибыл в ОМВД России по ... району города Москвы для оказания юридической помощи М. и обратился к начальнику ОМВД России по ... району города Москвы с письменным заявлением о преступлении, в котором указал на применение к

М. физической силы и причинение ему физического вреда, в связи с чем просил провести медицинское освидетельствование М. и привлечь к ответственности виновных должностных лиц. После этого, в этот же день, адвокат П. вступил в уголовное дело в качестве защитника М., предъявив удостоверение адвоката и ордер от 17 июля 2023 года № 33 на осуществление «защиты прав и законных интересов» М. в Отделе МВД России по ... району города Москвы с 17 июля 2023 года. В качестве основания выдачи ордера в нем было указано «соглашение № ... от 17.07.2023».

17 июля 2023 года с 19.08 час. до 19.15 час. адвокат П. в качестве защитника М. участвовал в предъявлении потерпевшему И. для опознания М. вместе с другими лицами. Потерпевший И. М. опознал. В протоколе указанного следственного действия отражено следующее замечание защитника М. – адвоката П.: *«У М. находятся ссадины на правом локте руки, кровоподтеки в области задней части головы и ссадины, и отек под левым глазом, синяк на правом ухе».*

17 июля 2023 года в 19.20 час. старшим следователем Б. составлен протокол задержания подозреваемого М. от 17 июля 2023 года, согласно которому М. задержан в соответствии со ст. 91 и 92 УПК РФ в качестве подозреваемого в 19.20 час. 17 июля 2023 года в присутствии защитника П. М. заявил о несогласии со своим задержанием. Иных заявлений и замечаний к протоколу задержания от М. и его защитника – адвоката П. не поступило.

Затем, с 19.30 час. 17 июля по 19.45 час. 18 июля 2023 года, адвокат П. в качестве защитника М. участвовал в следующих следственных и иных процессуальных действиях с участием М.:

- составление «протокола явки с повинной» М. 17 июля 2023 года;
- допрос подозреваемого М. 17 июля 2023 года;
- очная ставка между подозреваемым М. и потерпевшим И. 18 июля 2023 года;
- очная ставка между подозреваемым М. и подозреваемым Ма. 18 июля 2023 года;
- предъявление 18 июля 2023 года М. обвинения в совершении преступления, предусмотренного п. «б» ч. 4 ст. 162 УК РФ;
- допрос обвиняемого М. 18 июля 2023 года.

19 июля 2023 года постановлением Пресненского районного суда города Москвы в отношении М. избрана мера пресечения в виде заключения под стражу сроком на 01 месяц 21 сутки, то есть до 07 сентября 2023 года. Указанное постановление суда не было обжаловано в апелляционном порядке.

24 июля 2023 года М. обратился к следователю Б. с заявлением об отказе от защитника – адвоката П., сообщив об осуществлении его защиты адвокатом Р. Постановлением следователя Б. от 24 июля 2023 года отказ М. от защитника – адвоката П. принят.

29 июля 2023 года адвокат П. посредством мессенджера WhatsApp направил отцу М. – Ми. файл с неподписанным текстом «Адвокатского

соглашения № ... об оказании юридической помощи от 17 июля 2023 года». В качестве сторон этого соглашения были указаны адвокат П. и доверитель М. [Такая фамилия указана в тексте соглашения – Примечание Совета], а в качестве предмета поручения – «профессиональная юридическая помощь в уголовном судопроизводстве по уголовному делу, возбужденному СО ОМВД России по ... району города Москвы (№ ..., в котором Доверитель привлечен в качестве обвиняемого и заключен под стражу)».

Рассматривая дисциплинарное обвинение в оказании М. юридической помощи в отсутствие установленных законом оснований, Совет отмечает, что согласно ч. 1 ст. 50 УПК РФ защитник приглашается подозреваемым, обвиняемым, его законным представителем, а также другими лицами по поручению или с согласия подозреваемого, обвиняемого. Подозреваемый, обвиняемый вправе пригласить несколько защитников.

Порядок заключения адвокатами соглашения об оказании квалифицированной юридической помощи доверителям, в том числе в уголовном судопроизводстве, и требования к такому соглашению раскрываются в положениях статьи 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации».

При этом обязанность по обеспечению надлежащей формализации отношений с доверителем М. лежала на адвокате П. как на профессиональном участнике правоотношений.

В ходе дисциплинарного производства адвокат П. не отрицал факт отсутствия соглашения об оказании юридической помощи М., заключенного в письменной форме. Вместе с тем, адвокат П. настаивал на том, что заключил такое соглашение в устной форме, утверждая, что согласовал все его существенные условия со знакомым М. – С., а затем и с его отцом Ми. Вынужденно приступив к оказанию юридической помощи до момента подписания соглашения, в последующем он столкнулся с уклонением Ми. от его подписания.

Совет критически относится к этим объяснениям адвоката П., поскольку они голословны. Каких-либо доказательств его коммуникации с отцом Ми., равно как и с иными лицами именно по вопросам заключения соглашения об оказании юридической помощи в период ее оказания (с 17 июля 2023 года по 24 июля 2023 года), в том числе и непосредственно после начала ее оказания, адвокатом П. не представлено, и в материалах дисциплинарного производства такие доказательства отсутствуют.

Объяснения адвоката П. о том, что он передал отцу М. – Ми. соглашение об оказании юридической помощи в ночь с 17 на 18 июля 2023 года после окончания следственных и иных процессуальных действий с М., также ничем не подтверждены. Более того, они опровергаются содержанием проекта соглашения об оказании юридической помощи, направленного Ми. 29 июля 2023 года, поскольку из сформулированного в данном проекте предмета поручения следует, что в отношении М. избрана мера пресечения в виде заключения под стражу. Однако это произошло лишь 19 июля 2023 года. Таким образом, указанный проект был, во всяком случае, составлен

после вынесения постановления суда об избрании в отношении М. меры пресечения в виде заключения под стражу и поэтому никак не мог быть передан Ми. ни 17, ни 18 июля 2023 года.

Помимо этого, направление 29 июля 2023 года Ми. никем не подписанного проекта соглашения об оказании юридической помощи не может рассматриваться как доказательство намерения адвоката П. заключить соглашение об оказании юридической помощи с Ми. Наконец, из содержания данного проекта соглашения усматривается, что в качестве его стороны адвокат П. указал не Ми., которому проект был направлен, а М. При этом адвокат П. признал, что с М. он не только не согласовывал существенные условия соглашения об оказании юридической помощи, но и вообще не обсуждал его заключение, лишь сообщив, что явился от друга М. для оказания ему юридической помощи.

Более того, как указано выше, М. отказался от защитника – адвоката П. 24 июля 2023 года, то есть еще до направления вышеуказанного проекта соглашения. В тот же день указанный отказ от защитника был принят следователем. По этой причине адвокат П., вопреки его доводам, заведомо не имел правовых оснований предпринимать попытки заключения соглашения об оказании юридической помощи после отказа от него подзащитного, принятого следователем.

В тех случаях, когда адвокат отступает от обязательных требований по формализации своих отношений с доверителем, бремя доказывания соблюдения им профессионально-этических предписаний, в том числе устного согласования с кем-либо всех существенных условий соглашения об оказании юридической помощи, лежит на таком адвокате.

Адвокат П. согласование с кем-либо существенных условий соглашения об оказании М. юридической помощи – защиты по уголовному делу не доказал, в то время как заявителем такие попытки со стороны адвоката П. отрицаются. При таких обстоятельствах Совет приходит к выводу о том, что адвокатом П. не было заключено соглашение об оказании юридической помощи М. ни в простой письменной, ни в устной форме.

Вступление адвоката П. в уголовное дело при отсутствии соглашения об оказании юридической помощи предопределило нарушение им установленного порядка заполнения ордера от 17 июля 2023 года № 33, представленного им в материалы уголовного дела в подтверждение принятия поручения на осуществление защиты М., поскольку в этом ордере в качестве основания его выдачи было указано отсутствующее «соглашение № ...».

Учитывая изложенное, Совет приходит к выводу о неисполнении, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7, п. 1, 2, 4 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с п. 2.1, 3.2 Порядка изготовления, хранения и выдачи ордеров адвокатам, утвержденного решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации 04 декабря 2017 года (протокол № 8), адвокатом П. профессиональных обязанностей перед доверителем М., выразившемся во

вступлении в уголовное дело в качестве защитника М. в отсутствие установленных законом оснований (соглашения на защиту М., заключенного с соблюдением требований ч. 1 ст. 50 УПК РФ) при описанных обстоятельствах.

Вместе с тем, объяснения адвоката П. в части обращения к нему за оказанием юридической помощи М. знакомого последнего – С., являющегося партнером заявителя по бизнесу, не опровергнуты. Кроме того, адвокат П. представил Квалификационной комиссии номер телефона, с которого с ним связывался С. 17 июля 2023 года, и сообщил, что ранее оказывал юридическую помощь С., а также представил в материалы дисциплинарного производства копию его паспорта. При таких обстоятельствах отсутствуют основания для вывода о том, что адвокат П. допустил нарушение пп. 6 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, вступив в уголовное дело в качестве защитника М., используя личные связи с работниками правоохранительных органов.

Дисциплинарные обвинения в отношении адвоката П. в неотражении им в протоколе задержания М. времени его фактического задержания, в отсутствии процессуальной реакции на истечение 48-часового срока задержания М. и незаявлении об этом в судебном заседании по рассмотрению ходатайства следователя об избрании в отношении М. меры пресечения в виде заключения под стражу также нашли подтверждение в результате дисциплинарного разбирательства.

Адвокат П. объясняет свое пассивное поведение в указанной части тем, что умышленно не внес в протокол задержания М. замечания с указанием времени фактического задержания последнего, а также не заявлял об истечении срока его задержания для того, чтобы, используя доверительные отношения со следователем, предоставить родственникам М. возможность получить заявление собственника жилого помещения о готовности разместить в нем М. для нахождения под домашним арестом, а также обеспечить личную явку этого лица в судебное заседание. Заявить об истечении

48-часового срока с момента задержания М. в суде адвокат П. посчитал неудобным перед следователем.

Совет отклоняет этот довод адвоката П. как несостоятельный, поскольку ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката обязывает адвоката, участвующего в судопроизводстве, следить за соблюдением закона в отношении доверителя и в случае нарушений прав последнего ходатайствовать об их устранении. Приведенные адвокатом П. обстоятельства не освобождали его от исполнения этой обязанности.

Согласно п. 15 ст. 5 УПК РФ под моментом фактического задержания понимается момент производимого в порядке, установленном настоящим Кодексом, фактического лишения свободы передвижения лица, подозреваемого в совершении преступления.

Как указано выше, в рапорте старшего оперуполномоченного Па. от 17 июля 2023 года, с которым адвокат П. был ознакомлен и располагал его

копией, указано, что М. был задержан 17 июля 2023 года в 09.30 час., после чего доставлен в СО ОМВД по ... району города Москвы «для дальнейшего разбирательства». При этом в протоколе задержания подозреваемого М., составленном в 19.20 час. 17 июля 2023 года, указано не соответствующее действительности время задержания – 19.20 час. того же дня, чем нарушены требования ч. 2 ст. 92 УПК РФ. Адвокат П. на допущенное следователем Бахаревой Л.Р. нарушение закона не отреагировал, замечаний в протокол задержания М. не внес.

Согласно ч. 2 ст. 94 УПК РФ, если в отношении подозреваемого не была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу либо суд не продлил срок задержания в порядке, установленном п. 3 ч. 7 ст. 108 УПК РФ, подозреваемый подлежит освобождению по истечении 48 часов с момента задержания.

Адвокат П. не оспаривает то обстоятельство, что ходатайство следователя об избрании в отношении М. меры пресечения в виде заключения под стражу поступило в суд спустя 48 часов с момента фактического задержания последнего. При этом протокол судебного заседания по рассмотрению постановления следователя о возбуждении перед судом ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении обвиняемого М. не содержит сведений о заявлении адвоката П. о незаконности содержания М. под стражей по истечении 48 часов с момента его задержания. Не отрицает адвокат П. и того обстоятельства, что он не реагировал иным образом (путем заявления ходатайств, принесения жалоб и пр.) на истечение установленного ч. 2 ст. 94 УПК РФ 48-часового срока задержания М.

При таких обстоятельствах Совет приходит к выводу о ненадлежащем исполнении адвокатом П. своих профессиональных обязанностей перед доверителем, что выразилось: в неуказании в замечаниях к протоколу задержания М. от 17 июля 2023 года сведений о времени его фактического задержания; в незаявлении ходатайств и жалоб в связи с истечением 48-часового срока задержания М. и неуказании об этом 19 июля 2023 года в судебном заседании ... районного суда города Москвы при рассмотрении ходатайства органа следствия об избрании в отношении М. меры пресечения в виде заключения под стражу.

Переходя к рассмотрению группы дисциплинарных обвинений в неполном, несогласованном и неквалифицированном оказании адвокатом П. юридической помощи М., Совет, сопоставляя установленные Квалификационной комиссией обстоятельства с минимальными требованиями к деятельности адвоката – защитника, содержащимися в п. 4 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве, приходит к выводу об отсутствии достаточных доказательств, опровергающих презумпцию добросовестности адвоката П. в данной части.

Из объяснений адвоката П. следует, что он конфиденциально общался с подзащитным М. не менее полутора часов, разъяснил ему процессуальные права и ознакомился с постановлением о возбуждении уголовного дела.

Впоследствии адвокат П. ознакомился с документами, содержащимися в материале, обосновывающем ходатайство следователя об избрании в отношении М. меры пресечения в виде заключения под стражу, в подтверждение чего представил копии всех документов, содержащихся в этом материале, включая рапорт старшего ... ГУ МВД России по городу Москве Па. на имя Врио начальника ОМВД по ... району города Москвы К. о задержании М. 17 июля 2023 года в 09.30 час.

Указанные объяснения адвоката П. не опровергнуты. Сам по себе факт отсутствия в материалах дисциплинарного производства ходатайства адвоката П. об ознакомлении с материалами уголовного дела в порядке, предусмотренном п. 6 ч. 1 ст. 53 УПК РФ, расписки об ознакомлении с указанными материалами и иных подобных документов достаточным доказательством невыполнения адвокатом П. этой профессиональной обязанности не является, поскольку заявление защитником такого письменного ходатайства не является обязательным, оно может быть заявлено и в устной форме. Несоответствие времени задержания М., указанного в протоколе его задержания (19.20 час. 17 июля 2023 года), времени фактического задержания М. само по себе не свидетельствует о том, что адвокат П. не выяснил и не установил время и обстоятельства задержания М.

Совет также отмечает, что доказательств проведения с участием М. каких-либо следственных и иных процессуальных действий до вступления адвоката П. в уголовное дело заявителем не представлено, а в материале, обосновывающем ходатайство следователя об избрании в отношении М. меры пресечения в виде заключения под стражу, протоколы таких процессуальных действий отсутствуют.

Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией и приведенными ею обоснованиями, также признает необоснованными дисциплинарные обвинения в том, что адвокат П. рекомендовал М. заявить о явке с повинной без разъяснения ее значения и процессуальных последствий, а также в бездействии в связи с нанесением М. побоев.

Учитывая изложенное, Совет приходит к выводу о прекращении дисциплинарного производства в указанной части вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Избирая, в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката, меру дисциплинарной ответственности в отношении адвоката П. за совершенные им дисциплинарные проступки, Совет отмечает их умышленный и грубый характер, сопряженный с явным игнорированием адвокатом обязательных профессиональных требований к оформлению правоотношений с доверителем и оказанию юридической помощи. Подобное профессиональное поведение адвоката П. свидетельствует о его недопустимом отношении к исполнению профессиональных обязанностей и наносит вред авторитету адвокатуры.

Вместе с тем, учитывая, что ранее адвокат П. не привлекался к дисциплинарной ответственности, нарушения признал, Совет предоставляет ему возможность пересмотреть и скорректировать свое профессиональное поведение, оставаясь в составе адвокатского сообщества, и приходит к выводу о применении к нему меры дисциплинарной ответственности в виде предупреждения, как в наибольшей степени отвечающей требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

На основании изложенного, руководствуясь пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 2 п. 6 ст. 18, пп. 1, 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы

решил:

Применить к адвокату П. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы) меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения за:

неисполнение, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7, п. 1, 2, 4 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с п. 2.1, 3.2 Порядка изготовления, хранения и выдачи ордеров адвокатам, утвержденного Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации 04 декабря 2017 года (протокол № 8), профессиональных обязанностей перед доверителем М., выразившееся в том, что адвокат П., предъявив 17 июля 2023 года ордер от 17 июля 2023 года № 33 на осуществление защиты прав и законных интересов М., в котором в качестве основания его выдачи было указано фактически отсутствующее «соглашение № ... от 17.07.2023», вступил в уголовное дело № ..., находящееся в производстве СО ОМВД России по ... району города Москвы, в качестве защитника М. в отсутствие установленных законом оснований (соглашения на защиту М., заключенного с соблюдением требований ч. 1 ст. 50 УПК РФ);

ненадлежащее, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7, п. 1 ст. 8, ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката (участвуя в судопроизводстве, адвокат должен следить за соблюдением закона в отношении доверителя и в случае нарушений прав последнего ходатайствовать об их устранении), исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем М., выразившееся в неуказании в замечаниях к протоколу задержания М. от 17 июля 2023 года сведений о времени его фактического задержания; в незаявлении ходатайств и жалоб в связи с истечением 48-часового срока задержания М. и неуказании об этом 19 июля 2023 года в судебном заседании ... районного суда города Москвы

при рассмотрении ходатайства следователя об избрании в отношении М. меры пресечения в виде заключения под стражу.

Прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката П. по жалобе М. от 19 февраля 2024 года (вх. № ...), вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Президент Адвокатской палаты города Москвы

С.Б. Зубков